

Сергей ЮРСКИЙ

то, что замынилось

У ИЛЬЯМ Конгрив жил и писал в том самом XVII веке, в самом начале которого достиг вершины и умер Вильям Шекспир. Разница не только в масштабе таланта, не только в том, что трудно сравнивать гения, полную индивидуальность и «одного из». Разница в чем-то еще. Куда исчезла шекспировская раскованность, возрожденческий темперамент, могучее дыхание полной грудью, сила, откровенность, мудрая непосредственность, которыми наполнены даже самые легкие его комедии? Их сменила затейливость, филигранность отделки, подчеркнутая традиционность композиции. Водопадный сюжет, где несется вместе с невероятной скоростью множество тем, где пародия врывается в философию, а поэзия в жизнь и вместе с тем все они остаются полноценными, не ослабленными вторжениями, — этот водопад сменился сложной и красивой системой прудов, где вода тиха и зеркальна, а вся прелесть в изгибах берега, в изяществе расположения деревьев, во всем том, что вокруг воды. В пьесах Конгрива, пожалуй, больше внешней гармонии, слаженности. Те, кто недолюбливает Шекспира, скажут, что в нем больше вкуса.

Мы не видели Шекспира на английской сцене. Мы видели Конгрива. Но английский театр весь покоится на Шекспире, или идет через Шекспира, или возрождает Шекспира. Я должен вспомнить ленинградские впечатления. Мы видели Стредфордский театр с пронзительно современной Джульеттой — Дороти Тьютин, с неожиданно добрым и по-земному человеческим Гамлетом — Майклом Рейдгровом. Мы видели намеренно тяжеловатый, стильный спектакль «Макбет», привезенный театром «Олд Виль», и, наконец, мы видели «Короля Лира» в постановке Питера Брука с Полом Скоффилдом в главной роли — спектакль, потрясающий своим проникновением в смелость Шекспира и собственной смелостью.

Лоренс Оливье со своей труппой Национального театра до Ленинграда не доехал. Москва бурно обсуждала его «Огелло», имевшего громовой успех, несколько более в тени оказалась пьеса «Любовь за любовь» Уильяма Конгрива.

Вот ее-то и смотрели мы в Лондоне после дождичка, в четверг, 19 мая, на утреннем спектакле.

СМ. НАЧАЛО В «СМЕНЕ» ОТ 21 И 23 АВГУСТА.

ЕСТЬ много граней таланта — сила мысли, темперамент, эмоциональность, вкус, глубина и т. д., и т. д., и т. д. Здесь в прямом соответствии с пьесой главенствовал вкус. Вся прелесть спектакля, а спектакль был именно прелестный, была в том, что от пьесы взяли все и не потребовали от нее ничего сверх возможностей. Изящно, холодно, весело, иронично. Музыка, стилизованная под старинную, декорации, подчеркнута традиционные и необычайно привлекательные по цвету, гравиорные, или насмешливо живописные мизансцены. Тонкая гамма костюмов и блистательное умение их носить. Так полно, совершенно выразить определенный стиль могут лишь люди, живущие через сотни лет после реального существования этого стиля. Этим, пожалуй, исчерпывается современность спектакля. А нужен ли такой спектакль? Видимо, нужен. Он прошел уже много раз, и в четверг утром зал был почти полон.

Англичане уважают свое прошлое: не только бессмертное, ставшее мировым достоянием, но и просто ступени истории, и истории литературы, и истории театра. Английский зритель умеет и волноваться, и хохотать, и получать удовольствие от созерцания, как было в данном случае, смотреть и слушать текст.

А что же получили мы, не понимающие текста и не привыкшие к созер-

цанию? Мы получили наслаждение от актеров. Многие из нас, и я в том числе, впервые видели Лоренса Оливье на сцене. После Гамлета и Ричарда в кино он потряс теперь нас в роли наивного, смешного, изящного волокиты. Как он сосредоточенно ухаживает, как он рассеянно путает всех, в кого влюблен, как он танцует, как обижается на грубость, надувается словно ребенок и ненадолго впадает в немилосливо смешную печаль, а потом опять порхает, разгуливает со своей тростью, смеется, ухаживает!

Когда далеко не юный Лоренс Оливье легко, бесшумно спрыгнул с высокого второго этажа, посылая приветы своей возлюбленной, и начал уморительно поправлять съехавшие набок накладные икры на ногах, мы первые разразились бурными аплодисментами, и зал дружно поддержал нас. Мы наслаждались блистательным комедийным талантом этого проставленного трагика.

При входе в театр нам всем прикололи по цветку в петлицу, чтобы потом, при встрече, английские актеры легко отличили гостей. Но эта мера оказалась почти излишней. Мы встретились на сцене, а потом в кафе театра со старыми своими, знакомыми. Многие из них оставили на память свои автографы на потолке в одной из гримерных нашего театра в Ленинграде. Мы встретились с Джеральдиной Мак-Эйван, с Линн Рейдгров (дочерью Майкла Рейдгрива) — очень острой и яркой молодой актрисой, со скромным, незаметным Колином Блекли, так виртуозно игравшим нахала в пьесе Конгрива, и со многими, многими другими. Мы были рады поздравить их с мастерским спектаклем и вообще были рады, что наша дружба крепнет и обогащается двусторонними визитами.

МЫ ИГРАЛИ каждый день. По средам и субботам утром и вечером. Выходной — воскресенье, но в воскресенье закрыты и все остальные театры. Поэтому,

естественно, мы имели очень мало возможностей для посещения театров в Лондоне. Нашими гастролями закрывался фестиваль зарубежных театров в Лондоне. Организатором и продюсером фестиваля был известный театральный антрепренер мистер Питер Добни. Высокий однорукый человек, очень нервный и подвижный, но со спокойным и зорким взглядом — таким он впервые предстал перед нами в Берлине осенью прошлого года, когда мы играли там

Лоренс Оливье в роли Татле (пьеса «Любовь за любовь» У. Конгрива).

«Варвары» Горького. Он специально приехал посмотреть наш спектакль. Потом он побывал в Ленинграде, где познакомился еще с целым рядом спектаклей, и вот контракт заключен. Мы не смогли привезти пьесу «Варвары» из-за болезни нашего замечательного артиста Павла Луспекаева, исполнителя роли Черкуна. Мистер Добни сильно взволнован заменой — случай экстраординарный в международных гастролях, ведь билеты на эту пьесу проданы заранее.

Что-то будет? Конец фестиваля. Громадный интерес суровой прессы. В фестивале этого года приняли участие такие великолепные коллективы, как Чешский национальный театр, Театр греческой трагедии, «Компания дей джованни» из Италии и Польский национальный театр. Гастроли театров проходили с переменным успехом, многое решал финал. А тут еще замена. Мистер Добни волновался.

Волновались и мы. Еще не кончилась овация после первого представления «Идиота», а за кулисы уже ворвался сияющий мистер Добни, расцеловал Товстоногова, Смоктуновского, пожимал руки всем исполнителям. После премьеры грузинской пьесы, советской пьесы, когда аплодисменты сопровождалась криками «браво», неприятные волнения, в какой-то доле напоминающие страх, окончательно сменились волнениями чисто творческими...

В решающий день замененного спектакля очереди, желающей сдать билеты, не было, была очередь, желающая купить билеты.

Антреприза удалась, и мистер Добни сиял. Многие из нас стали его гостями, познакомились с его богатой библиотекой по вопросам театра, библиотекой на многих языках, в комнате, увешанной эскизами декораций лучших театральных художников и портретами крупнейших театральных и кинорежиссеров, таких как Феллини, Антониони, с дарственными надписями. На заключительном спектакле мистер Добни обратился со сцены к зрителям. Он говорил о фестивале будущего года и под аплодисменты пригласил театр, возглавляемый Товстоноговым, снова принять в нем участие. По теплоте и искренности речи мы чувствовали, что оправдали не только коммерческий расчет театрального дельца, но удовлетворили художественное чувство европейски образованного знатока театра...

Лондон—Париж—Ленинград

Рисунки А. Гаричева

(ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ)

Лондон. Олдвич театр.